

Болъ и Бог в лирике М. Ю. Лермонтова

Zuljani, Robert

Master's thesis / Diplomski rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://um.nsk.hr/um:nbn:hr:131:689534>

Rights / Prava: [Attribution 4.0 International](#)/[Imenovanje 4.0 međunarodna](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-06**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Боль и Бог в лирике М. Ю. Лермонтова

(diplomski rad)

Student: Robert Zuljani

Mentor: dr.sc. Josip Užarević, red. prof.

ak. g.: 2022./2023.

Zagreb, 12. rujna 2023.

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Hurt and God in the Lyric Poetry of Mikhail Lermontov

(diplomski rad)

Student: Robert Zuljani

Mentor: dr.sc. Josip Užarević, red. prof.

ak. g.: 2022./2023.

Zagreb, 12. rujna 2023.

Содержание

1. Введение.....	5
2. О М. Ю. Лермонтове.....	9
3. Господство земного начала	12
4. Господство небесного начала	25
5. Об изображении монахов	35
6. О коварности общества, смерти и «ночном» цикле.....	38
7. Бог как вершитель судеб	44
8. Заключение	50
Литература	51
Sažetak	52
Ključne riječi.....	52
Ключевые слова.....	52
Životopis.....	52

1. Введение

В этой дипломной работе исследуются темы боли и Бога в лирике русского поэта первой половины XIX в. Михаила Юрьевича Лермонтова. Что мы имеем в виду под понятиями «боль» и «Бог»? Тематика страдания пронзает всю лирику Лермонтова; подчас оно может приводить и к самым мрачным душевным состояниям. Посмотрим известное его позднее стихотворение «И скучно, и грустно» (1840):¹

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... Но кого же?.. На время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

Сокрушительность утверждений лирического субъекта такая, что, если бы судить только по этому стихотворению, было бы странно ожидать от поэта какие-либо возвышенные, духовные стихи. Но они есть: они появляются не раз. Именно на этот контраст опирается наша работа, в которой более подробно рассмотрим проявления и отношения этих двух принципов в лермонтовской лирике.²

Поскольку страдания в лирике Лермонтова очень много (а состоит она из больше четырехсот стихотворений), в то время как Бог и сходные мотивы затрагиваются в относительно ограниченном наборе стихотворений, фокус нашей работы будет именно на втором типе стихов. Во многих из них затрагивается и страдание, или же принципы, которые к нему приводят. Таким образом мы будем заниматься и тематикой боли, и особенно, связями ее с духовной тематикой.

При этом следует отметить, что мы не будем использовать биографический подход к творчеству поэта. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку нет сомнения в

---

¹ Все стихотворения в работе и их названия и датировки цитируются по Лермонтов (2014).

² Подчеркивал этот контраст еще Белинский (2002 [1840]: 126–127), сопоставляя «И скучно, и грустно», эту «похоронн[ую] песн[ю] всей жизни», с «Молитвой» («В минуту жизни трудную...»).

том, что многое в творчестве М. Ю. Лермонтова имеет автобиографический характер. Но, в данной работе, нам интересны стихотворения Лермонтова именно как стихотворения, а не как реальные источники представленных в них образов и опытов. Поэтому, обсуждая стихотворения, мы будем говорить не о Лермонтове, а о лирическом субъекте (ЛС). Лирический субъект – это та инстанция, о чьих чувствах и опыте речь идет в стихотворении (обычно, но не всегда, это лирическое «я»).

Отметим и то, что переводные произведения мы не будем брать во внимание. Но, к заимствованным или переделанным Лермонтовым стихам мы будем подходить тем же образом, как и к оригинальным его стихам.

Надо так же подчеркнуть, что наш анализ не будет хронологическим, поскольку наш поход к мотивам будет типологическим (хотя большей частью в каждой части работе мы будем двигаться от ранних к поздним стихотворениям Лермонтова). Он не будет ни формалистическим, так как мы будем заниматься не формой, а лишь содержательным планом стихотворений.

Работа состоит из шести частей. Мы сначала в кратких чертах дадим биографию М. Ю. Лермонтова. Потом мы обсудим те стихотворения, связанные с Богом, в которых господствует то, что мы будем называть «земным» началом лермонтовской лирики. Сделаем затем то же самое, но относительно «небесного» начала. Потом рассмотрим лермонтовские стихотворения, в которых появляются монахи. В отдельной части работы речь пойдет и о стихотворениях, связанных с Богом, с тематикой коварности общества и смерти; там же обсудим то, что будем называть «ночным» циклом в лирике Лермонтова. Последняя часть работы будет касаться стихотворений, в которых Бог предстает вершителем человеческих судеб. В заключении мы подведем итоги нашей работы.

* * *

Мы проиллюстрируем здесь, на примере соответственных стихотворений, самые главные черты страдания в лермонтовской лирике. Таким образом мы подготовим контекст для некоторых явлений, с которыми встретимся в главной части работы. «Я к вам пишу случайно; право...» (1840) – стихотворение о сражении на реке Валерик, в котором принял участие сам Лермонтов. В нем раскрываются и некоторые типичные мотивы тематики любви и страдания. Такие мотивы незабываемой любви, страдания из-за любви, холодности как результата этих попыток:

Я вас никак забыть не мог! //
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;

И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

Осторожность к людям тоже типична, поскольку критика общества и в социальном плане, и в личном плане также является постоянным признаком лермонтовской лирики.

На самом деле, (несчастную) любовь и коварность людей мы можем считать основными источниками страдания в лирическом творчестве Лермонтова. Ср. в этой связи и стихотворение «Отчего» (1840):

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Важен и постоянный образец, который по стиху из стихотворения «Покаяние» (1829) мы будем условно называть «роковой конец счастья» (РКС). Условно, потому что не всегда ясно, был ли ЛС счастлив до роковых событий. Как бы то ни было, мы имеем в виду образец, по которому ЛС как последствие прошлых событий, обычно связанных именно с любовью или коварностью общества, вызвавших потерю юношеского счастья и/или горький обман надежд, находится в состоянии глубокой разочарованности миром. Часто это вызывает страдание ЛС, но иногда это приводит и к его эмоциональному онемению, а проявляется и тенденция к одиночеству. Как пример РКС ср. «1830 год. июля 15-го» (1830). В начале стихотворения ЛС спрашивает себя: «Зачем семьи родной безвестный круг / Я покидал?» Тоскует он по теплоте родного дома и по ребяческой невинности своей. Затем мы читаем:

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! Я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но эту грудь, страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Сходное, как видно будет дальше, мы читаем и в многих других произведениях лермонтовской лирики.

В стихотворении «1831-го июня 11 дня» (1830–1831 ?), представляющим собой многословное изложение дум лирического субъекта, он даже выражает мысль об общей причине происхождения страдания (25-я строфа): «Лишь в человеке встретиться могло / Священное с порочным. Все его / Мученья происходят оттого.» Речь идет именно о столкновении того, что мы в нашей работе будем называть «земным» и «небесным» началами.

Данное стихотворение любопытно много чем; здесь подчеркнем еще мотив предвещения собственной преждевременной смерти, который не раз встречается в лирике Лермонтова (28-я строфа):³

Я предузнал мой жребий, мой конец,	И не забыт умру я. Смерть моя
И грусти ранняя на мне печать;	Ужасна будет; чуждые края
И как я мучусь, знает лишь творец;	Ей удивятся, а в родной стране
Но равнодушной мир не должен знать.	Все проклянут и память обо мне.

---

³ Иногда речь идет не о смерти, а об изгнании, да и предвещаемая смерть обычно происходит в чужой стране.

Янко Лаврин даже заявил о «death-wish» самого Михаила Лермонтова (Lavrin 1959: 104) и утверждал, что «[к]ажется более чем вероятным, что Лермонтов умер потому, что он хотел умереть.» (ibid.: 105; перевод наш)

2. О М. Ю. Лермонтове

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) – русский поэт и художник, во время гибели поручик Тенгинского Пехотного полка, один из важнейших представителей русского романтизма. Обычно считается самым великим русским поэтом после современника его А. С. Пушкина.

Родился Михаил Юрьевич со 2 на 3 октября 1814 года в Москве.⁴ Юная мать, Марья Михайловна, умерла, когда мальчику было лишь три года. Ребенка воспитывала бабушка, вдова Елизавета Алексеевна Арсеньева, родом из состоятельной семьи Столыпинах. Род отца его, Юрия Петровича Лермонтова, хотя об этом и не знали, был шотландского происхождения и по преданию ему принадлежал бард Томас Лермонт, но с временем род этот захудал. Михаил Юрьевич рос в арсеньевском имении Тарханах в Пензенской губернии без родителей, но бабушка о нем заботилась хорошо. Мальчиком он был впечатлительным, мечтательным и болезненным. Для лечения возили его на Кавказ; изумительная природа южных стран произвела на него большое, никогда не угаснувшее впечатление.

Исторический период-то был после наполеоновских войн начала XIX века. Юный Михаил увлекался рассказами о Наполеоне и о славной битве на Бородинском поле, воспевал их в своих трудах. Обладал он натурой свободолюбивой и стихотворение его «Жалобы турка» – намек, что еще в юных годах он задумывался над трудной жизненной обстановкой русских в реакционную эпоху Николая I.

В 1828 г. Михаил Юрьевич поступил в Благородный Университетский пансион в Москве. В школьный рукописный журнал он помещал первые свои литературные опыты. Лермонтов учился успешно, был одаренным в рисовании, умел играть на инструментах. Юноша записывал любимые стихи, находил подходящие своей индивидуальности образцы в стихотворениях читанных им поэтов и с течением времени стал применять их (с менее или более изменений) в своих оригинальных трудах. Увлекался Михаил Юрьевич Пушкиным, Байроном, Шиллером, Шекспиром и другими. Все-таки он с самого начала писал на русском языке, и, мечтая много лет спустя о

---

⁴ Настоящая часть работы, с этого абзаца до предпоследнего, и информация о чине Лермонтова во время смерти, базируются на биографии М. Ю. Лермонтова П. А. Висковатого (Висковатый 2018 [1891]).

создании собственного журнала, он говорил критически о тогдашних русских журналах, непрерывно издававших переводные произведения. В 1830 г. поступил Лермонтов в Московский университет.

На нрав поэта повлиял резкий спор между бабушкой и отцом об опеке его, ставший причиной мрачного эпизода его юношеской жизни. Юноша решил остаться с бабушкой. Скоро затем его отец умер. Занятый думами о смерти, Михаил Юрьевич старался скрывать от других свои душевные муки. В нем развилась склонность к одиночеству, он был «в разладе с окружающим» (с. 83). Юноша «чувствовал только над собой что-то роковое. [...] Он страдал более, чем жил» (с. 93). Страдал он недолго за этим и от нереализованной любви к знакомой девушке.⁵ Боль из-за любви испытывал поэт и в более поздних годах, когда оказалось, что любимая им долго лет Варвара Лопухина вошла замуж за другого. Доверялся Лермонтов лишь нескольким ближайшим друзьям. Отчет в своих чувствах искал через творчество. Утешение он находил и в любимой им природе. Висковатый утверждал, что у Михаила Юрьевича была и боголюбивая сторона, все больше развивавшаяся с годами.

В 1832 г. стечение обстоятельств привело к тому, что Михаил Юрьевич, не окончив университета, неожиданно поступил в юнкерскую школу в Санкт-Петербурге. Военная служба, по крайней мере, соответствовала пропитанному романтизмом его пылкому характеру и избытку молодых сил. Но здесь его литературная деятельность большей частью прекратилась, и он, отдавая дань юнкерской юношеской культуре, писал скабрзные стихи, что после имело некоторые отрицательные последствия для его репутации. Лермонтов, хотя некоторое время хотел в него пробиться, свысока глядел на конформистское столичное общество, которому из-за скромного происхождения своего он никогда (как и Пушкин) не мог полностью принадлежать; презрительного о нем в его творчестве много.

Из-за стихотворения «Смерть поэта», написанного по поводу смерти Пушкина в 1837 г., Лермонтов был сослан на Кавказ. После возврата он начал становиться модным писателем. Знаменитость его росла, хотя был он непопулярен среди многих дворян. Развивалась и его человеческая и творческая зрелость, но из-за рано оборвавшей его смерти, Михаил Юрьевич в конце не успел полностью раскрыть свой потенциал. Кроме ограниченного числа неофициально циркулирующих или же напечатанных в журналах

---

⁵ О Н. Ф. Ивановой Висковатый (2018 [1891]) не писал, но см. Андроников (1951: 5–33).

его произведений, при жизни поэта были опубликованы собрание выбранной его лирики и роман «Герой нашего времени».

У Лермонтова было желание уйти в отставку и посвятить себя литературной работе. Но, когда в результате столкновения его с молодым французом де Барантом в 1840 г. произошла первая его дуэль, прошедшая, впрочем, без серьезных последствий, его вновь сослали на Кавказ. Опасная жизнь военного все-таки подходила ему больше, чем жизнь столичная со своими балами и интригами. Поэт принял участие и отличился в сражении с кавказцами на реке Валерик, которое впоследствии и воспел.

В 1841 г. Лермонтов вместе с родственником Монго Столыпина, успешно избегая службы, поселились в Пятигорске. Вел здесь поэт с дружбой своей внешне веселую жизнь, продолжая в то же время свою литературную работу. При этом «Лермонтов дурачился самым непозволительным образом, [...] выкидывал легкомысленные шутки в то время, как его занимали самые серьезные мысли.» (с. 41) Его дерзость и выходки, к которым он, кстати, был склон годами, понравились не всем. Они привели к дуэли с тщеславным молодым отставным майором Н. С. Мартыновым, состоявшейся 15 июля 1841 года под горой Машук. Свидетели дуэль поняли несерьезно, и поэт явно целился в воздух, но пуля соперника сразила его. 26-летний Михаил Юрьевич Лермонтов скончался на месте.

За собой молодой поэт оставил большое число произведений; здесь назовем некоторые из самых известных. В число сотен его лирических стихотворений входят: «Ангел», «Парус», «Смерть поэта», «Бородино», «Дума», «Есть речи – значенье...», «И скучно, и грустно», «Родина», «Прощай, немытая Россия...», «Утес», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», и многие другие. Автор он и драмы «Маскарад» и многочисленных поэм, включая историческую поэму «Песня о купце Калашникове» и романтические «Мцыри» и «Демон». Самый именитый его труд – роман «Герой нашего времени», положивший начало в русской литературе традиции социально-психологического реалистического романа в прозе.

3. Господство земного начала

В ряде лермонтовских лирических стихотворений лирический субъект выражает прямым или посредственным образом свое отношение к Богу. В этой части нашей работы мы обсудим стихотворения, в которых лирический субъект Богу⁶ (или высокому, небесам) не может или не хочет посвятить себя, не может или не хочет к нему ориентироваться. Причина этому, как увидим, то, что «земное начало» в нем сильнее «небесного». Мы здесь также обсудим «демонический» цикл лермонтовской лирики, поскольку он является кульминацией земного начала.

Начнем со стихотворения «К П....ну» (1829), в котором выражается глубоко пессимистический взгляд на природу человека: «Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит, / Где дружба дружбы не обманет, / Любовь любви не изменит.» Все-таки, утверждается, что, даже если «добродетель в прах падет» и «будут все мольбы Творцу бесплодны», «[в]езде утехи есть толпе престонародной». Но того, кто «юный, потерял лета златые», т. е., кто прошел через РКС, «не могут усладить / Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..» Таким образом допускается возможность недейственности молитв (см. и с. 45). Возможность для описываемого типа человека духовного же выхода из тяжелого душевного состояния не затрагивается.

В стихотворении «К другу» («Взлелеянный на лоне вдохновенья...») (1829) делается ясным различие между тем, что в нашей работе называем «земным» и «небесным» началами. Сразу в начале произведения ЛС заявляет:

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкой душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.

Лирический субъект противопоставляет небесную красоту вдохновению и земному упоению, а его жизненную ориентацию определяет и сам его характер, т. е. его деятельная и пылкая душа. Более того, он говорит о том, что, после несчастливой любви, он «победить жестокость не умел. / Но я ношу отказ и месть с собою; / Но я в любви моей закоренел.» И в конце стихотворения ЛС объясняет, что некогда и он был направлен «к высокому». Но оторваться от земного он не хочет:

---

⁶ В лермонтовской лирике встречаем «бог», «Бог», «всевышний», «Творец» и т. д. Мы обычно будем использовать форму «Бог» для согласованности.

И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их!..

Небесное начало здесь стоит напротив лирическому субъекту. К этой «одной, святой, неизъяснимой цели» он не готов стремиться вместе с «толп[ой]».

Тот же самый мотив дальше раскрывается в «Молитве» («Не обвиняй меня, всесильный...») (1829), в которой лирический субъект обращается прямо к Богу.

Посмотрим первую строфу:

Не обвиняй меня, всесильный,	За то, что в заблужденье бродит	За то, что мир земной мне тесен,
И не карай меня, молю,	Мой ум далеко от тебя;	К тебе ж проникнуть я боюсь,
За то, что мрак земли могильной	За то, что лава вдохновенья	И часто звуком грешных песен
С ее страстями я люблю;	Клокочет на груди моей;	Я, боже, не тебе молюсь.
За то, что редко в душу входит	За то, что дикие волненья	
Живых речей твоих струя,	Мрачат стекло моих очей;	

В начале стихотворения ЛС ставит себя в «оборонительную» позицию, – позицию верующего, – по отношению к Богу. Он открывает, что он редко обращается к религии, но все-таки признает, что кое-какие его мысли нерелигиозного характера являются заблуждением. Опять вере в Бога противопоставляются страсти и вдохновение. «[М]рак земли могильной» – особо впечатляющий способ описания земного мира с присущими ему грехами; земля могильная (гнилая, конечная) в отличие от неба вечного. Затем ЛС описывает свою позицию в виде дилеммы: «мир земной мне тесен, / К тебе ж проникнуть я боюсь».⁷ Ответ, почему этот страх, мы можем отыскать в следующей, заключительной строфе:

Но угаси сей чудный пламень,	От страшной жажды песнопенья
Всесожигающий костер,	Пускай, Творец, освобожусь,
Преобрати мне сердце в камень,	Тогда на тесный путь спасенья
Останови голодной взор;	К тебе я снова обращусь.

ЛС боится посвятить себя Богу, потому что это значило бы действовать вопреки своей природе: он стремится к славе или к другим упоениям жизни. Именно это логический путь, на который направляют его этот всесожигающий костер и страшная жажда песнопения. Другими словами, его страх вызван мыслью, что он пропустит то, к чему

---

⁷ Может быть, с таким страхом связано и нежелание «просить [...] неба» в стихотворении «Блистая пробегают облака...» (1831): ««О! когда б одно „люблю“ / Из уст прекрасной мог подслушать я, [...] / [...]» — так мечтал / Беспечной... но просить он неба не желал!»

его жизнь как последствие его характера органически направлена. В этой связи ср. 23-ю строфу стихотворения «1831-го июня 11 дня»:

Всегда кипит и зреет что-нибудь	И всё боюсь, что не успею я
В моем уме. Желанье и тоска	Свершить чего-то! — жажда бытия
Тревожат беспрестанно эту грудь.	Во мне сильней страданий роковых,
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка,	Хотя я презираю жизнь других.

Примем во внимание, что ссылка на судьбу или рок делается в этом («страданий роковых») и в многих других лермонтовских стихотворениях.⁸ Следуя этому, оправдано предположить (касательно «Молитвы» («Не обвиняй...»)), о которой говорим сейчас, но и в общем), что верящий в рок ЛС свою судьбу себе представляет (хоть иногда) именно как характеризованную стремлением к славе или к другим упоениям жизни, а не как отмеченную стремлением к каким-либо духовным целям (однако духовные рефлексии, как мы увидим в следующей части нашей работы, есть).⁹ Но здесь заметен и тон, граничащий с сатирическим, особенно в стихе «Преобрати мне сердце в камень» (если сердце превращено в камень, то как может оно посвятить себя вере?) и в обороте «тесный путь спасенья». Остается загадкой, думает ли на самом деле ЛС, что до описываемого освобождения может прийти или нет. Таким образом, стихотворение заканчивается на двусмысленной ноте.

Со сходной тематикой мы встречаемся в стихотворении «Н. Ф. И...вой» (1830). В первой строфе ЛС открывает, что он всегда любил «[у]грюмое уединенье» и что боялся «[б]удить людское сожаленье» (эти мотивы появляются и в других местах, ср. «Элегия» («Дробись, дробись, волна ночная...»)) (1830): «Один; покинув свет и чуждый для людей / И никому тоски поверить не желая»). Ничто облегчить его долю не может: «И черных дум не унесут / Ни радость дружеских минут, / Ни страстный пламень

---

⁸ «Моя мать — злая кручина, / Отцом же была мне — судьбина», мы даже читаем в стихотворении «Воля» (1831).

⁹ Есть и лермонтовские стихотворения, в которых ориентация на славу выражается явно, ср. на пр. «Элегия» («О! Если б дни мои текли...») (1829), в которой ЛС заявляет и о своей несвободе «от сует земли», или «Слава» (1830–1831 ?):

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.

Ср. и «К*» («Мы случайно сведены судьбою...») (1832 ?): «Я рожден, чтоб целый мир был зритель / Торжества иль гибели моей», хотя в то же время он критикует толпу, потому что «[д]уши их певца не постигали» и т. п.

поцелуя.» (Вспомним «К П....ну»: «Кто, юный, потерял лета златые, / Того не могут
услаждать / Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!...»)¹⁰ Лирический субъект хочет,
чтобы женщина, к которой обращено стихотворение, прочла его стихи и «примирила»
его «[с] людьми и с буйными страстями». Но она заключает, что «разум» его «болен»,
«[ж]еланьем вздорным ослепленный». ЛС глубоко задумывается и находит, «[ч]то ум
мой не по пустякам / К чему-то тайному стремился»:

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Если в «Молитве» («Не обвиняй...») было какого-либо сомнения, то здесь лирический
субъект неоднозначно заявляет о религиозной ориентации в глубине своего существа.
Но надежд на то, что он может достигнуть чего-то высшего, или на то, что что-то, как он
говорит, унесет черные его думы, все-таки нет. Причина та же, что в «Молитве» («Не
обвиняй...»):

Но пылкой, но суровой нрав
Меня грызет от колыбели...
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

Препятствием его потенциальным религиозным стремлениям снова предстает его нрав.¹¹
Но здесь ЛС делает еще один шаг вперед и безнадежно предвещает, что он встретит свой
конец, «в жизни зло лишь испытав». При этом последний стих отличается своей
загадочностью: почему думы и цель, которые он не познает, являются «печальными»?
Мы предлагаем толкование, в соответствии с которым ЛС сам христианский нарратив, –
по которому посюсторонняя жизнь относительно неважна и эфемерна, – считает
печальным по сравнению с жизнью, отмеченной страстными земными стремлениями, в

---

¹⁰ Впрочем, есть стихотворения, в которых ЛС находит утешение в друзьях (ср. «К Д...ву» (1829)) или в
женщинах (ср. «К Су...» («Вблизи тебя до этих пор...») (1830)).

¹¹ Касательно этого нрава ср. на пр. «Посвящение» («Тебе я некогда вверял...») (1830): «Ты примирил меня
с судьбой, / С мятежной властью страстей»; «Поток» (1830–1831 ?): «Источник страсти есть во мне /
Великой и чудесной», «Я праздною отдал бы покой / За несколько мгновений / Блаженства иль мучений.»;
«Я жить хочу! Хочу печали / Любви и счастью назло...» (1832 ?): «Что без страданий жизнь поэта? / И что
без бури океан?»; «Парус» (1832): «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!» В «1831-
го июня 11 дня» (1830–1831 ?) мы читаем даже: «Хочу любить, — и небеса молю / О новых муках».

рамках которой человек может достичь славы и фигуративного бессмертия между людьми.¹²

Вопрос об ориентации, теперь не только лирического субъекта, но и людей вообще, к небесному или к земному поднимается в стихотворении «Земля и небо» (1830–1831?):

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

Несмотря на это, стремление к небесному (вере, Богу) у людей есть, однако у него нет такой же близости к ним: «Мы блаженство желали б вкусить в небесах, / Но с миром расстаться нам жаль.» ЛС делает такой вывод:

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.¹³

В контексте этого стихотворения любопытно, что в позднем стихотворении «Договор» (1840–1841 ?), ЛС про себя и свою любимую говорит: «Земного счастья мы не ценим.» Однако живет он не для Бога, а «для сердца своего».

Вернемся к стихотворению «1831-го июня 11 дня». В нем ЛС приводит не только причину всех мук человечества, а разъясняет причину мощи своих страстей: «лишь в разбитом сердце может страсть / Иметь неограниченную власть.» Разбито, потому что пережило «обман» женщины (строфы 13–14). Любопытна и 15-я строфа:

---

¹² Мотив таким образом достигнутого бессмертия появляется в многих местах; ср. на пр. «К*» («Я не унижусь пред тобою...») (1832):

Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?

¹³ В данном стихотворении, кроме этого, описывается склонность людей быть занятыми прошлым («О надеждах и муках былых вспоминать / В нас тайная склонность кипит») и тревогой о будущем («Страшна в настоящем бывает душе / Грядущего темная даль»). Ср. стихотворения «Мое грядущее в тумане / Было <е> полно мук и зла...» (1836–1837?) и «Гляжу на будущность с боязнью / Гляжу на прошлое с тоской...» (1837–1838?). Ср. и К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») (1830): «ищу спокойствия напрасно, [...] / Гляжу назад — прошедшее ужасно; / Гляжу вперед — там нет души родной!» Читаем, впрочем, и противоположное этому в «Слова разлуки повторяя...» (1832): «Я схоронил навек былое, / И нет о будущем забот». Также ср. «Я не крушуся о былом...» (1830; 1831 ?).

Под ношей бытия не устает	Против непобедимой, много зла
И не хладеет гордая душа;	Она свершить готова, хоть могла
Судьба ее так скоро не убьет,	Составить счастье тысячи людей:
А лишь взбунтует; мщением дыша	С такой душой ты бог или злодей...

Это есть образец РКС, ЛС же и «оклеветан, одинок» (строфа 4-я), но здесь он остается, как видно, гордым и не отвергает страстей. «[Л]юбить, как я, порок / И вижу, я слабей любить не мог» (строфа 11-я). Ср. строфу 12-ю:

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Теперь переходим к важным для нашей тематики стихотворениям на тему «демона». Лермонтов этим мотивом занимался в течение почти всей своей творческой жизни;¹⁴ его кульминацией стала поэма «Демон». Первые наброски этой поэмы относятся к тому же периоду, когда написано стихотворение «Мой демон» (1829),¹⁵ в котором читаем:

Собранье зол его стихия. [...]	Он равнодушно видит кровь,
Он любит бури роковые [...]	И звук высоких ощущений
Сидит уныл и мрачен он.	Он давит голосом страстей,
Он недоверчивость вселяет,	И муза кротких вдохновений
Он презрел чистую любовь,	Страшится неземных очей.
Он все моленья отвергает,	

Если демон здесь «равнодушно видит кровь», то в более позднем труде «Мой демон» (1830–1831 ?) он: «Глотает жадно дым сраженья / И пар от крови пролитой.» Ему «всякой верящий смешон».

Третье и последнее стихотворение этого маленького цикла начинается следующим образом:

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдаю,
Про это больше знает он.

Затем ЛС сравнивает себя с демоном своим, а потом и приравнивает себя к нему:

Как демон мой, я зла избранник,	Прочти, мою с его судьбою
Как демон, с гордою душой,	Воспоминанием сравни
Я меж людей беспечный странник,	И верь безжалостной душою,
Для мира и небес чужой;	Что мы на свете с ним одни.

¹⁴ См. Висковатый (2018 [1891]: 33). См. и примечания к «Мой демон» (1829) в Лермонтов 2014, с. 421.

¹⁵ Ibid. «Тем[а] «демонизма» [...] восход[ит] к библейской легенде о падшем ангеле, восставшем против Бога и превратившемся в духа зла» (там же).

ЛС описывает себя теперь словами: «я зла избранник». Небеса ему чужие (хотя и мир также). Он не уверен, для чего он живет («страдаю»), он только знает, что он Богом не сотворен «для ангелов и рая».

Посмотрим некоторые из стихотворений, которые мы обсуждали раньше: «К другу» («Взлелеянный...»): «я ищу земного упоенья», «мне милей страдания земные»; «Молитва» («Не обвиняй...»): «мрак земли могильной / С ее страстями я люблю»; «1831-го июня 11 дня»: «жажда бытия / Во мне сильней страданий роковых, / Хотя я презираю жизнь других»; «Земля и небо»: «Как землю нам больше небес не любить? / Нам небесное счастье темно». Казалось бы, все это – проявления того же самого начала, и это начало обхватывает и демонический цикл, ср. во втором «Моем демоне»: «Живет он пищу земной». Но такая трактовка осложняется стихом из «Я не для ангелов и рая...»: «Для мира и небес чужой» (т. е., и для земли, и для небес). Более того, в первом «Моем демоне» его глаза описываются как неземные (несмотря на его страсти: в «Молитве» («Не обвиняй...»), на пр., страсти принадлежат именно земле). Можем разъяснить это отдельным подходом к стихотворениям.

В «Я не для ангелов и рая...» (1831), демон соответствует лермонтовской образу одинокого и даже смущенного странника: «Я меж людей беспечный странник». Он странник, потому что его дом не на земле и не на небесах. О первом «Моем демоне» (1829) можно предположить то же, о чем мы поговорим ниже.

Во втором же «Моем демоне» (1830–1831 ?), демон все-таки ближе к земле, тем более что «[к] ничтожным хладным толкам света / Привык прислушиваться он». Вспомним и его кровожадность во втором «Моем демоне» (он увлечен низким страстям, а это значит, что он «у земли») в сравнении с его равнодушием к крови в первом (он не «у земли»).

Следует обратить внимание и на последнюю строфу второго «Моего демона»:

И гордый демон не отстанет,	Покажет образ совершенства
Пока живу я, от меня,	И вдруг отнимет навсегда
И ум мой озарять он станет	И, дав предчувствия блаженства,
Лучом чудесного огня;	Не даст мне счастья никогда.

Именно сам демон лирическому субъекту «ум [...] озарять [...] станет / Лучом чудесного огня», «[п]окажет» ему «образ совершенства» и даст ему «предчувствия блаженства». Демон, соответственно, является частью ЛС, тенденцией в нем, заставляющей его постоянно стремиться к каким-то достижениям, но это никогда не увенчивается успехом *из-за природы этой же самой тенденции*. Эта тенденция – страсти ЛС, его воля к жизни,

его «пылкой, [...] суровой нрав» («Н. Ф. И...вой»). Именно это приближает его подчас к земле, к миру, а иногда же отчуждает его от людей, не удовлетворяющих его. Этим объясняется мотив чужого «[д]ля мира и небес» странника в «Я не для ангелов и рая...». Разъясняет это и в первом «Моем демоне» стихи: «И муза кротких вдохновений / Страшится неземных очей.» Читаем ли это таким способом, что вдохновения здесь, в отличие от раньше обсуждаемых стихотворений (и не только их), соответствуют началу не земному, а небесному (принимая во внимание и то, что вдохновения это кроткие; см. и сноску 23 на с. 22 и с. 26–27) то можем утвердить, что демон здесь не близок ни к началу небесному, ни к началу земному.¹⁶

В «Я не для ангелов и рая...» ЛС, как мы уже видели, приравнивается к демону. Это не означает ничего, кроме того, что его «демоническая тенденция» поглотила (по крайней мере, на время) все остальное в нем. Это «все остальное» включает его религиозную тенденцию. В данном цикле мы видели, что демону «всякой верящий смешон» (второй «Мой демон»), и что ЛС «не для ангелов и рая / Всесильным богом сотворен».¹⁷ В ранних стихотворениях, таких, как «К другу» («Взлелеянный...»), «Молитва» («Не обвиняй...») и «Н. Ф. И...вой», страсти или сходные им мотивы, как мы увидели, противопоставляются обращению к Богу. В трех стихотворениях демонического цикла эти порывы страсти лирического субъекта приобретают новый характер, характер зла.¹⁸

---

¹⁶ Если вдохновение все-таки трактуем как связанное с земным, то мотив неземного этому не противоречит. Возможно, конечно, неземную природу глаз демона простым образом трактовать (и) как последствие того, что он существо не земное, а потустороннее. Это ясно и из стихотворения «Измученный тоскою и недугом...» (1832), где демон – изгнанник небес: «Ты для меня была, как счастье рая / Для демона, изгнанника небес»; в «Послушай, быть может, когда мы покинем...» (1832 ?) ЛС описывает себя как «мрачн[ого] изгнанник[а]».

¹⁷ Может казаться, что эти две мысли не могут сосуществовать. Т. е. если в «Я не для ангелов и рая...» демон уже тот же самое, что ЛС (т. е. демон поглощает его), а это демон тот же самый, как во втором «Моем демоне», то ЛС должен думать, что «всякой верящий смешон» (как во втором «Моем демоне»), и поэтому не имеют смысла его слова, что он создан Богом (и непонятно зачем). Но это совершенно возможно: он может относиться к верующим с насмешкой, и в то же время не терять в себе рефлекс обращаться к Богу и даже сохранять в глубине души своей мысль, что он, может быть, все-таки есть. Конечно, слово «верящий» возможно трактовать и иначе, на пр. «тот, у кого все еще есть надежда», но и наша трактовка оправдана.

¹⁸ Ср. «1831-го июня 11 дня», строфа 9-я: «Я холоден и горд; и даже злым / Толпе кажуся».

Вспомним стихи из второго «Моего демона»: «И, дав предчувствия блаженства, / Не даст мне счастья никогда.» Ср. с этим стихотворением, начинающееся стихами: «Я видел тень блаженства; но вполне / Свободно от людей и от земли, / Не суждено им насладиться мне...» (1831). ЛС здесь, по всему судя, считает, что блаженство только в вере в Бога. Но он для этого не способен, поскольку у него сомнения:

Есть рай небесный! Звезды говорят;
Но где же? Вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

Посмотрим теперь «Отрывок» («Три ночи я провел без сна — в тоске...») (1831), стихотворении о спасении народа через выполнение особенной мысли ЛС, в котором мы читаем следующие строки:

На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца [...]

С «не для них родился» ср.: «Я не для ангелов и рая / Всесильным богом сотворен...» (1831). Эти строки диаметрально противоположны тому,¹⁹ что мы читаем в «Ангеле» (1832) (см. с. 28–29). Как пример противоположной склонности ср. и «Небо и звезды» (1831): «тем я несчастлив, / Добрые люди, что звезды и небо — / Звезды и небо! — а я человек!...»; «Только завидую звездам прекрасным, / Только их место занять бы желал». Сходным является и стихотворение «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...») (1830): она «[н]есет мечты душе моей больной», хотя здесь мотив звезды связывается и с воспоминанием о женщине.

В стихотворении «Мое грядущее в тумане...» (1836–1837 ?) Бог не предстает только определителем судьбы (см. последнюю часть работы), а говорится и о его обещании того, что ЛС добьется славы²⁰ (приписывать такое Богу в лермонтовской лирике довольно нетипично):

К чему творец меня готовил,

---

¹⁹ Нетипичность стихотворения разъясняется тем, что речь идет о «наброск[е] к задуманной Лермонтовым в 1831 г. исторической поэме о Мстиславе Черном» (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 526). В начале стихотворения ЛС (Мстислав) молится на кургане.

²⁰ Ср. «1831-го июня 11 дня», где сходное приписывается не Богу, а неведомому пророку (строфа 4-я): «Известность, слава, что они? — а есть / У них над мною власть», «неведомый пророк / Мне обещал бессмертье».

Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

ЛС выбрал чашу зла:

И я словам его поверил,	Я удушил святыни голос,
И, полный волею страстей,	Из сердца слезы выжал я;
Я будущность свою измерил	Как юный плод, лишенный сока,
Обширностью души своей;	Оно увяло в бурях рока
С святыней зло во мне боролось,	Под знойным солнцем бытия.

Земное выигрывает над «святыней», и с таким земным встречались мы в демоническом цикле, поскольку это именно «зло». Все самое высокое в лирическом субъекте, это добро, которое он вместе со злом получил от Бога, умерло. И он предался светской жизни и страстям:

Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

Многие элементы этого стихотворения сохраняются в более позднем стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...» (1837–1838 ?). И здесь стихи о том, что Бог «прекословил / Надеждам юности моей» (мотив РКС), но слава не упоминается. ЛС находится в состоянии экзистенциальной дезориентации: «Придет ли вестник избавленья / Открыть мне жизни назначенье, / Цель упований и страстей». Любопытны в сравнении с «Мое грядущее в тумане...» следующие стихи: «Земле я отдал дань земную / Любви, надежд, добра и зла; / Начать готов я жизнь другую». Т. е. он здесь уже было посвятил себя земному. Заключение стихотворения можем трактовать как сходное заключению стихотворения «Мое грядущее в тумане...»:

Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя [...]

Затем повторяются строки об увядании, только теперь не сердца, а души, «в бурях рока» и т. д.²¹ «Я в мире не оставлю брата» может значить, что никто его не будет любить из-за

---

²¹ Ср. «Песня» («Светлый призрак дней минувших...») (1829): «Щеки бледностью, хоть молод, / Уж покрылись; / В сердце ненависть и холод / Водворились!»; «Он некрасив, он невысок...» (1829): «И на челе оставил рок / Средь юных дней печать страстей»; «Листок» (1841): «Засох и увял он от холода, зноя и горя», «Один и без цели по свету ношуся давно я, / Засох я без тени, увял я без сна и покоя» и др.

того, что он «дерзко вник в сердца людей», если используем стих из «Мое грядущее в тумане...». Т. е. несмотря на то, что он уже «[з]емле [...] отдал дань земную», он теперь снова обратится к светской жизни, но в этот раз без настоящих чувств, без «[л]юбви, надежд, добра и зла».²² Без добра и зла: этим-то данное стихотворение отличается от предыдущего, в котором зло выиграло над святыней. Состояние в данном стихотворении можем сравнить с мотивом странника, чужого для мира и небес, из «Я не для ангелов и рая...».²³ С другой стороны, стих «Я в мире не оставлю брата» можем трактовать как намек и на смерть. Как мы раньше сказали, в лермонтовской лирике лирический субъект не раз проявляет склонность к мыслям о смерти.

В связи с мотивом увядания души ср. и «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...») (1830):

Есть грозной дух: он чужд уму;	Терзать и мучить любит он;
Любовь, надежда, скорбь и месть:	В его речах нередко ложь;
Всё, всё подвержено ему.	Он точит жизнь, как скорпион.
Он основал жилище там,	Ему поверил я — и что ж!
Где можем память сохранять,	Взгляните на мое чело,
И предвещает гибель нам,	Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Когда уж поздно избегать.	Лицо мое вам не могло
[...]	Сказать, что мне пятнадцать лет.

Образ этот напоминает демона и также, по всему судя, является последствием доведенным до крайней точки земного начала. То, что оно становится причиной многих страданий, видно в ряде стихотворений (см. и с. 30).

²² Ср. «Элегия» («О! Если б дни мои текли...») (1829):

Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

Ср. и «К *» («Я не унижусь пред тобою...»):

Отныне стану наслаждаться	Начну обманывать безбожно,
И в страсти стану клясться всем;	Чтоб не любить, как я любил;
Со всеми буду я смеяться,	Иль женщин уважать возможно,
А плакать не хочу ни с кем;	Когда мне ангел изменил?

²³ В «Безумец я! вы правы, правы!» (1832) читаем: «Пускай, как он, я чужд для света, / Но чужд зато и небесам!» Но в этом стихотворении небеса, по всему судя, синоним высоты вдохновенного труда (ср. и «1831-го июня 11 дня»: «Но для небесного могилы нет.»). В «Безумец я! вы правы, правы!» ЛС испытывает фрустрацию из-за неадекватности общества, неспособного понять его стихи, и он в расстройстве утверждает, что он не должен был добиваться славы и бессмертия с помощью такого люда. Сходное читаем и в других местах. Его трагедия в том, что он хочет славы, а презирает людей.

Наверное, именно это приводит к тому, что ЛС полностью отвергает страсти в стихотворении <Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...») (1841?):

Любил и я в былые годы,	Но красоты их безобразной
В невинности души моей,	Я скоро таинство постиг,
И бури шумные природы,	И мне наскучил их несвязный
И бури тайные страстей.	И оглушающий язык.

С этого времени он «[ж]еланьям мирным да[л] простор» и наслаждается маленькими радостями: «Люблю [...] / Поутру ясную погоду, / Под вечер тихий разговор».

Отметим теперь тенденцию в некоторых стихотворениях отдавать предпочтение любви перед Богом. Ср. известное стихотворение «Есть речи – значенье...» (1839; 1840):

Но в храме, средь боя	Не кончив молитвы,
И где я ни буду,	На звук тот отвечу
Услышав его, я	И брошусь из битвы
Узнаю повсюду.	Ему я навстречу.

Ср. и «Ужасная судьба отца и сына...» (1832): «Пускай на ней [на земле – R. Z.] блаженства я не знаю, / По крайней мере я люблю!» В «Вечере» (1830–1831?) ЛС признается в том, что дороже «[н]ебесных всех наград» ему – любимая им женщина:

[...] небеса [...]
[...] свершали чудеса
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

Ср. и стихотворение 1831 года:

Как дух отчаянья и зла,	Моя душа твой вечной храм;
Мою ты душу обняла;	Как божество, твой образ там;
О! Для чего тебе нельзя	Не от небес, лишь от него
Ее совсем взять у меня?	Я жду спасенья своего.

В позднем стихотворении «Любовь мертвеца» (1841) страсти (при романтической любви) продолжают доминировать над божественным началом даже после смерти:

Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой?
Я перенёс земные страсти
Туда с собой!

Несколько раз в обсуждаемых произведениях мы встречались со снисходительным отношением к вере: «К П...ну»: «Пусть будут все мольбы Творцу

бесплодны», второй «Мой демон»: «всякой верящий смешон», иронические оттенки в «Молитве» («Не обвиняй...»). Такую тенденцию подтверждает и стихотворение к <М. А. Щербатовой> (1840 ?): «В надежду на Бога / Хранит она детскую веру.» В характерной для этого периода в творчестве поэта «Юнкерской молитве» (1833–1834 ?) «Лермонтов,» – мы сказали бы: ЛС – «по-видимому, пародирует псалмические формулы обращения к Богу» (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 569). Заметен, кажется, и намек на насмешливое отношение к браку: «Любить вас долго было б скучно, / Любить до гроба — право, смех.» (1829–1830 ?) Есть даже и сатирическое стихотворение о смерти и (христианских) похоронах, «Что толку жить!..» (1832), и также сатирического характера «Послание» (1837), в котором появляется «[п]ьяный поп отец Евсей».

Итак, через все лермонтовское лирическое творчество перед нами раскрывается напряжение между двумя принципами, земным и небесным, светским и божественным. В этой части нашей работы мы обсудили стихотворения, в которых затрагиваются оба начала, но в которых божественное начало отвергается. Мы видели, что оно отвергается разными образами. Иногда лирический субъект утверждает, что его страсти, характеризующие его нрав, значат, что он неспособен посвятить себя Богу и даже могут доводить до точки, в которой превращаются в нем в зло. Эта тенденция в нем может приводит к тому, что он посвятит себя Богу и не *хочет*. Иногда лирический субъект отдает предпочтение посвящению себя любви. К вере он подчас относится с насмешкой. Однако мы видели и то, что, много пострадав, страстей ему «наскучил [...] несвязный / И оглушающий язык.»

4. Господство небесного начала

Чтобы дать правдоподобную картину того, как Бог изображен в лермонтовской лирике, мы должны обсудить и стихотворения, в которых проявлено ощущение божественного, т. е. «небесное» начало. Поскольку лирический субъект, как говорит он в «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») (1830), еще с детства «[л]юбил» не только «бурь земных», но и «бурь небесных вой».²⁴

Начнем с нетипично позитивного стихотворения «Совет» (1830). Между рядом советов о том, как избегать излишние страдания, упоминается Бог как источник «часов веселых»:

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда Бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.

В стихотворении затрагиваются и страдания любовные, и те, вызванные разочарованием в людях. Оно заканчивается мудростью:

Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытал,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

Ср. на пр. стихотворение «Ответ» (1829), в котором описываются последствия любовных мук: страдалец «чувств лишен», как «пень лесной / Постигнут молнией».

Проявление небесного начала находим в стихотворении «Оставленная пустынь предо мною...» (1830), в котором ЛС описывает возвышенные свои чувства у монастыря:

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.

Обратим внимание теперь на стихотворение «Мой дом» (1830–1831?), в котором кроме мотива Божьей воли (можем предположить, что ЛС «осужден» Богом,

---

²⁴ Что касается самого Лермонтова, Висковатый (2018 [1891]: 206–207) обсудил в кратких чертах, о чем мы намекнули раньше, духовную сторону поэта, упоминая и некоторые из стихотворений, которыми мы занимаемся в этой части нашей работы. Цитирует он Пыпина, утверждавшего, что Лермонтов «никогда не переставал верить в личного Бога».

хотя это не выражено явно; см. последнюю часть работы), появляется мотив длительного страдания (ср. «Стансы» («Мне любить до могилы творцом суждено...»)) (1830–1831 ?), см. с. 44):

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

Имеется в виду «чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно». Интересно, что через все стихотворение ЛС возвеличивает этот дом, Божий мир, но все-таки открывает, что «осужден страдать я долго в нем». Бросается в глаза и заключительное заявление о покое, поскольку в лермонтовской лирике часты заявления о невозможности обрести покой (касательно покоя см. часть работы «О коварности общества, смерти и «ночном» цикле»).

Мотив вечности встречаем и в стихотворении «Унылой колокола звон» (1830–1831 ?). Звон колокольни возбуждает эмоции и мысли:

Унылой колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность, и надежду он.

В стихотворении критикуется тип человека, неспособный адекватно судить о поэзии, и в противоположность этому ЛС описывает свои поэтические стремления:

Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

Вдохновение здесь не противопоставляется Богу и преодолению земного, а считается чем-то связанным с началом небесным. Ср. «Слава» (1830–1831 ?), в которой ЛС боится, что люди «осмелятся равнять / С земным небес живые звуки» его творчества. Ср. и «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») (1837–1838 ?; 1839): «Твой стих, как Божий дух, носился над толпой». Ср. и позднее лермонтовское ироническое стихотворение «Не верь себе» (1839): «В нем [во вдохновении – R. Z.] признака небес напрасно не ищи: / То кровь кипит, то сил избыток!» Это отличается от стихотворений вроде «Молитвы» («Не обвиняй...») (см. с. 13), в котором и вдохновение, и земное изображаются как вещи, преданности Богу противоположные (см. и сноску 23 на с. 22). Не удивительно, что появляется и то, и другое: ведь вдохновение связано и со страстями,

по чему оно примыкает к земному началу, и с ощущением прекрасного, по чему оно примыкает к небесному началу.

Появляется здесь и мотив достижения чего-то высшего через страдание (в данном случае, достижения поэтического успеха). Сходный мотив, в котором страдание – способ искупления перед Богом, т. е. достижения прощения, появляется в «Ночь. I» (1830):²⁵ «ступай и там живи, и жди, / Пока придет спаситель, — и молись... / Молись — страдай... и выстрадай прощенье...» и в «Когда, надежде недоступный...» (1833–1834 ?): «Пороки юности преступной / Я мнил страданьем искупить». Это проявления типичной для христианства идеи положительности страдания, страдания ради собственного блага. Ср. Послание к Римлянам 5:3–5: «...хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.»²⁶ Таким образом, если ЛС надежде недоступен, то со страданием она, может быть, ему возвратится.

Именно надежда и любовь воспеваются в стихотворении «Когда б в покорности незнания...» (1831). В первой строфе выражаются тоскливые мысли по поводу того, что у людей «неисполнимые желанья», данные им Богом. Вторая строфа представляет собой оптимистический оборот:

Но чувство есть у нас святое,	На небе иль в другой пустыне
Надежда, бог грядущих дней, —	Такое место, где любовь
Она в душе, где всё земное,	Предстанет нам, как ангел нежной,
Живет наперекор страстей;	И где тоски ее мятежной
Она залог, что есть поныне	Душа узнать не может вновь.

Любопытна здесь концептуализация надежды как противопоставленной страстям. Интересен и акцент, который делается на любви, важнейшем христианском принципе. Божественная натура описываемой любви отталкивает данное стихотворение весьма далеко от стандартных лермонтовских сетований на несчастные любовные отношения.²⁷ Ср. и стихотворение «Надежда» (1831), в которой она изображена как

---

²⁵ В связи с «ночным» циклом см. с. 41–43 нашей работы.

²⁶ Источник: <http://www.patriarchia.ru/bible/rom/5/>, доступ 22 августа 2023 г.

²⁷ Ср. на пр. «К ***» («Дай руку мне, склонись к груди поэта...») (1830–1831 ?): «Любовь мое всё сердце заняла, / И что ж, взгляни на бледной цвет чела. // На нем ты видишь след страстей уснувших, / Так рано обуявших жизнь мою». С этим ср. и упомянутую уже «Песню» («Светлый призраок дней минувших...») (1829): «Щеки бледностью, хоть молод, / Уж покрылись; / В сердце ненависть и холод / Водворились!» С этим можем сравнить и стихотворения демонического цикла.

«птичка рая». В «К *» («Мой друг, напрасное старанье!») (1832) надежды – «святое царство / Души задумчивой моей»; они «умрут» с ним:

Дай мне сокровища вселенной,	Как помню, счастье прежде жило
Уж никогда не долетят	И слезы крылись в месте том:
В тот угол сердца отдаленной,	Но счастье скоро изменило,
Куда запрятал я мой клад.	А слезы вытекли потом.

Касательно любви следует обсудить и «Покаяние» (1829). В нем девушка признается священнику в грехе; сильно страдая из-за совершенного ей блуда, она исповедуется:

Но любви тайна сладость	Вскоре бедствие узнала
Укрывалась от глаз;	И ничтожество свое:
Вслед за ней бежала младость,	Я любовью торговала;
Как бежит за часом час.	И не ведала ее.

В отличие от такого стихотворения, как «К гению» (1829), в котором сочетаются «вдохновенье», «любовь» и «пыл сердечный», страсть здесь не предстает как нераздельная от любви, а именно противопоставляется христианской любви. Девушка решилась на исповедь, «[ч]тоб не умертвить с собою / Всё, что в жизни я люблю!» Страсть «геенскому мученью / Предала» ее, она испытывает такую душевную боль, что даже не считает себя достойной молитвы священника (можем добавить, что таким образом она проявляет и христианскую скромность, сознательно или нет). Она не узнала то, что теперь считает ценностью юности:

Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей [...]

Ср. опять «К гению» (1829), в котором «последние, невинные радости» связаны именно с любовью и страстью. Покой противопоставляется страстям и в стихотворениях, как «Элегия» («О! Если б дни мои текли...») (1829) и «Парус» (1832) (см. часть работы «О коварности общества, смерти и «ночном» цикле»). Священник указывает путь выхода:

— Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий Бог!..

В одном из самых известных стихотворений Лермонтова, «Ангел» (1832), особым образом рисуется картина отношения лирического субъекта к Богу и к земному

миру. Летевший «по небу полуночи» ангел тихо пел песню святую, непритворную, «о блаженстве безгрешных духов» в раю, «[о] Боге великом».

Он душу младую в объятиях нес	И долго на свете томилась она,
Для мира печали и слез,	Желанием чудным полна;
И звук его песни в душе молодой	И звуков небес заменить не могли
Остался — без слов, но живой.	Ей скучные песни земли.

Ориентация ЛС к небесному снова ясно выражается, при этом с замечательными лиризмом и красотой. В то же время весьма четко отвергается ориентация его к земному. Это прямая противоположность того, что мы читаем на пр. в «К другу» («Взлелеянный...») (1829): «я ищу земного упоенья». Чувство божественного находится и всегда находилось в глубине души лирического субъекта «Ангела», что совсем противоречит стихам 1831 года: «Я не для ангелов и рая / Всесильным богом сотворен».

Может казаться, что данный мотив повторяется в стихотворении «Ужасная судьба отца и сына...» (1832):

Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?

Но «[о]гонь», о котором здесь идет речь, не тот, что в «Ангеле». Здесь это – вдохновение, поэтический гений.²⁸

Отметим, что тематика чистоты ребенка, требующего защиты от «светской тины», затрагивается в стихотворении «Ребенка милого рожденье...» (1839): «Да будет с ним благословенье / Всех ангелов небесных и земных!»; «Да будет дух его спокоен / И в правде тверд, как Божий херувим!» Здесь выражается осторожность именно к тому, от чего страдает лермонтовский лирический субъект:

Пусть не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пусть глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;

---

²⁸ Ср. «неба звуки» в «Я жить хочу! хочу печали...» (1832 ?):

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Возможна и трактовка, по которой звуки «небес» из «Ангела» – признак (и) присутствия поэтического гения с самого раннего возраста.

Пуškai не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим [...]

Ср. и теплое стихотворение «Ребенку» (1840). ЛС спрашивает молодого сына женщины, которую некогда любил: «скажи, тебя она / Ни за кого еще молиться не учила?» И молит его, чтобы не проклял его, узнает ли когда-либо его имя.

Упомянутое нами раньше в контексте искупления через страдание стихотворение «Когда, надежде недоступный...» (1833–1834 ?) нам важно и тем, что в нем ЛС обращается непосредственно к Богу. К тому приводит его чувство безнадежности:

Когда, надежде недоступный, Не смея плакать и любить, Пороки юности преступной Я мнил страданьем искупить; Когда бывшее ежечасно Очам являлось моим	И всё, что свято и прекрасно, Отозвалось мне чужим; Тогда молитвой безрассудной Я долго Богу докучал И вдруг услышал голос чудный.
--	--

Вера лирического субъекта здесь, очевидно, настолько крепкая, что он обращается к молитве несмотря на то, что (может быть и даже *потому*, что) он не в состоянии ощущать «всё, что свято и прекрасно». Бог отвечает:

«Чего ты просишь? — он вещал. — Ты жить устал? — но я ль виновен; Смири страстей своих порыв; Будь, как другие, хладнокровен, Будь, как другие, терпелив. Твое блаженство было ложно; Ужель мечты тебе так жаль?	Глупец! Где посох твой дорожный? Возьми его, пускайся в даль; Пойдешь ли ты через пустыню Иль город пышный и большой, Не обожай ничью святыню, Нигде приют себе не строй».
--	---

Бог, т. е. на самом деле голос совести самого ЛС, обвиняет его в том, что он устал от жизни как последствие своих страстей. Достигнутое страстями блаженство может быть лишь ложным. Вспомним раньше обсужденные нами в данной части работы стихотворения: «Совет»: «Не ищи страстей тяжелых»; «Когда б в покорности незнанья...»: «Надежда, бог грядущих дней, — / Она в душе, где всё земное, / Живет наперекор страстей», и стихотворение <Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...») (1841 ?) (см. с. 23).

Разберем два остальных (поздних) стихотворения с названием «Молитва». В первом из них, «Молитва» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...») (1837), лирический субъект обращается с молитвой за «деву невинную» к Богородице, «[т]еплой Заступнице мира холодного»:

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Стихи, как и в «Ангеле», отличаются трогательной нежностью и теплотой тона. О себе ЛС говорит следующее: «Не за свою молю душу пустынную, / За душу странника в свете безродного». Посвящением молитвы другому человеку он проявляет бескорыстие.

Третья «Молитва» («В минуту жизни трудную...») (1839) – стихотворение же о молитвах, об их функции, о том, как они помогают лирическому субъекту:

В минуту жизни трудную	Есть сила благодатная	С души как бремя скатится,
Теснится ль в сердце грусть:	В созвучьи слов живых,	Сомненье далеко —
Одну молитву чудную	И дышит непонятная,	И верится, и плачется,
Твержу я наизусть.	Святая прелесть в них.	И так легко, легко...

Итак, лермонтовский лирический субъект совершенно способен к самой искренней молитве и обращается к ней именно «[в] минуту жизни трудную». Он чувствителен к тому, что описывает как непонятную и святую «прелесть» ее слов. И, что самое главное, она действует: и он верит.

Отметим ряд произведений, в которых лирический субъект с Богом связывает природу; иногда она возбуждает в нем и религиозные чувства. Ср. «Крест на скале» (1830–1833 ?): «О если б взойти удалось мне туда, / Как я бы молился и плакал тогда»; «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832) (в прозе): «кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..»; «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837): «Тогда смиряется души моей тревога, / [...] / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу Бога...» Видим, что воздействие природы так сильно, что оно может сделать столько страждущего ЛС счастливым даже «на земле». Ср. в этой связи и «1831-го июня 11 дня» (1830–1831 ?) с замечаниями об ощущении счастья и ясности ума в пустыне (степи) (строфы 7, 8, 17); воспеваются и горы (строфа 20-я): «Кто близ небес, тот не сражен земным.»²⁹ В «Спеша на север издалека...» (1837 ?) ЛС обращается к Казбеку с молитвой: «Да отнесут твои скалы / В надзвездный край, в твое владенье, / К престолу вечному Аллы.» «Коварные [...] цепи» общества противопоставляются любви к величественной природе в «Памяти А. И. О-го» (1839). В «Христос Воскресе» (1829–1830 ?; 1840–1841 ?) читаем: «Христос

²⁹ Ср. в противоположность этому в том же стихотворении (строфы 21, 22) сравнение жизни с «печал[ьным] степи вид[ом]»: «Так жизнь скучна, когда боренья нет.»

воскрес! Природа вся ликует / И славит Господа чудес» (хотя ЛС здесь не в состоянии разделять всеобщую радость: «Лишь я угрюм в час общего веселья: / Кого люблю, тех нет со мной»).

Ср. в связи с мотивом природы и «Выхожу один я на дорогу...» (1841): «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит.» Это стихотворение важно нам и по другим причинам. ЛС страдает («Что же мне так больно и так трудно?»), но он отказался от земных желаний: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть: / Я ищу свободы и покоя!» Он «б хотел забыться и заснуть», но он ясно дает понять, что не имеет в виду смерть. Тоскует-то он по неосуществимом состоянию вечного сна, в котором бы «всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел», пока он спит, – возвращаясь к теме природы, – под темным дубом. Опять это чистая любовь, которую мы обсуждали раньше. Опять ЛС тоскует по покою. Опять перед нами мотивы невинных душевных (можем свободно сказать и духовных) стремлений и отвержения мира людей, выраженные девять лет раньше в «Ангеле». Здесь они так же сопровождаются нежной песней.

Обращая внимание на приведенное раньше стихотворение «Как дух отчаянья и зла...» (1831) и другие, можно с полным правом сказать, что небесное начало, ощущение крайней душевной высоты, может включать в себя и (чаще всего романтическую) любовь. Она способна принадлежать и к земному, и к небесному началу по тем же причинам, как и вдохновение: она объединяет страсти и прекрасное. Лучший пример этого – «К деве небесной» (1831). Приведем первую строфу:

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

«И твой привет, и твой укор, / Всё полно, дышит божеством.» Однако здесь это слишком много для «юноши», чья любовь слишком «земная», чтобы любить такое существо: «Не для земли ты создана, / И я могу ль тебя любить?» Ср. и стихи о незабываемой женщине: «Так храм оставленный — всё храм, / Кумир поверженный — всё бог!» Они появляются в стихотворениях «Я не люблю тебя; страстей...» (1831) и «Расстались мы; но твой портрет...» (1837) и восходят к афоризму Ф.-Р. Шатобриана (прим. к «Я не люблю тебя; страстей...» в Лермонтов 2014, с. 530).

Одним из самых возвышенных проявлений небесного начала, хотя в ней оно и более абстрактно – «Ветка Палестины» (1836 ?), см. на пр. окончательные строфы:

Заботой тайною хранима,	Прозрачный сумрак, луч лампы,
Перед иконой золотой	Кивот и крест, символ святой...
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,	Всё полно мира и отрады
Святыни верный часовой!	Вокруг тебя и над тобой.

Отметим и следующий интересный факт. В лермонтовской лирике есть ряд стихотворений о войне, в которых, при этом, отношение к войне положительно.³⁰ В «Балладе» («В избушке позднею порою...») (1831) Бог – одна из причин борьбы: «Отец твой стал за честь и Бога / В ряду бойцов против татар».³¹ В стихотворении же «Я к вам пишу случайно; право...» (1840–1841) о сражении на реке Валерик, отношение к войне становится, именно через опыт самого принимающего участие в нем лирического субъекта, отрицательным. Но ЛС не только сетует на горькую бессмысленность войны. Он говорит:

Мой крест несусь я без роптанья:	У Бога счастья не прошу
То иль другое наказанье?	И молча зло переносу.
Не все ль одно. Я жизнь постиг;	Быть может, небеса востока
Судьбе, как турок иль татарин,	Меня с ученьем их пророка
За всё я ровно благодарен;	Невольню сблизили. [...]

Таким образом получается, что война и среда южных стран оказали умиротворяющее воздействие на лирического субъекта.

В произведениях лермонтовской лирики, обсужденными нами в данной части работы, видна противоположная тенденция, чем в тех произведениях, в которых

---

³⁰ В раннем стихотворении «Война» (1829) ЛС даже отправляется на войну и прощается от, как называет ее, святой Руси, чтобы убежать от несчастной любви и пр. (РКС):

Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венки небренной славы!

Затрагивают сходную тематику и «Стансы» («Не могу на родине томиться...») (1830–1831 ?): «Там, быть может, перестанет биться / Это сердце, полное тобой», «Видеть смерть мне надо, надо крови, / Чтоб залить огонь в груди моей.»

³¹ Стихотворение «[с]одержательно связано с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами» (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 526).

Ср. и «Казачью колыбельную песню» (1838), в которой мать младенца говорит, что, когда он поедет в войну, она даст ему «[о]бразок святой: / Ты его, молясь Богу, / Ставь перед собой». Также ср. «Великий муж! Здесь нет награды...» (1836–1838 ?): награду, «достойной доблести» его, можно найти только «на небе» (хотя достижения ЛС здесь не должны быть военной природы).

лирический субъект не находит сил или не хочет сопротивляться своим страстям. ЛС и здесь оказывается между двумя своими ориентациями: божественной и страстной, небесной и земной. Но в этом случае он отвергает страсти и вместо них, он (сознательно или рефлексивно) следует за своими религиозными чувствами. Он обращается к Богу с совершенно чистым в себе чувством божественного начала, он готов страдать для покаяния, его трогает красота Творцом созданной природы. Он предстает перед нами скромным, искреннейшим, глубоко духовным существом. Таким образом становится ясным, почему в стихотворении «Сентября 28» (1831) он про себя говорит:

[...] Тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастьем,
Но нежной, как любовь.

5. Об изображении монахов

Монахи не раз выступают как герои или упоминаются в лермонтовских лирических стихотворениях. Способ их изображения, в связи с тематикой страдания, важен для обсуждения темы нашей работы, поскольку они люди, посвятившие свою жизнь Богу.

Начнем со стихотворения «Оставленная пустынь предо мной...» (1830). Во втором из этих, по сути, двух стихотворений, оставленных Лермонтовым на стенах в воскресенском монастыре (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 446.), подчеркивается факт, что монахи, несмотря на свой жизненный путь преданности вере, все-таки страдают:

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.

Страдающим от любви монахом является и герой стихотворения «Гость» («Как пришлец иноплеменный...») (1830). Запутавшись в лесу в ночи, он подъехал на кибитке к дому женщины, которую некогда любил. Он узнал ее «[и] к ногам ее упал».

Муж ушел тогда. О! Прежде	Но промчалось исступление;
Жил чернец лишь для нее,	Путник в комнате своей,
Обманулся он в надежде,	Чтоб рыданья и мученье
Погубил он с нею всё.	Схоронить от глаз людей.

Он рыдает вплоть до зари, и утром его находят мертвым. Опять надежды не воплотились, опять монаха «сердце любит по конец».

В стихотворении «Исповедь» (1831) схожим образом выражена мысль об ограниченных способностях монахов:

Я верю, обещаю верить,	Что ближних малые ошибки
Хоть сам того не испытал,	Они прощают иногда,
Что мог монах не лицемерить	Что время лечит от страданья,
И жить, как клятвой обещал;	Что мир для счастья сотворен,
Что поцелуи и улыбки	Что добродетель не названиее
Людей коварны не всегда,	И жизнь поболее, чем сон!..

«Но вере теплой опыт хладный / Противуречит каждой миг». Коварность общества – частый предмет сетования ЛС в лермонтовском творчестве. Здесь выражена безнадежность, тоже характерная, но в данном случае особенно глубокая: под вопросом

даже *возможность* нравственности людей и излечения от страдания. Несовместимая с опытом вера – это вера в то, что жизнь по сути своей хороша. Ясно, что каким-либо религиозным надеждам здесь нет места. О своем сердце ЛС затем говорить, что «то, что было б яд другим, / Его живит, его питает / Огнем язвительным своим.» Это напоминает демоническое начало в творчестве Лермонтова.

Встречаем и другой тип произведений о муках монахов. Героиня «Песни» («Колокол стонет...») (1830–1831?) – девушка, против своей воли заставлена жить в монастыре (так же, как и одноименный герой поздней лермонтовской поэмы «Мцыри»):

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Если в прежних стихотворениях речь идет о неспособности монахов предаться вере до степени, достаточной, чтобы освободить их от их прежних пороков и мук, то теперь имеет место другой мотив: монастырь как своего рода тюрьма, в которой монах(иня) активно тоскует по жизни на свободе («ей надобен свет»). Кроме этого, пока в «Исповеди» проявляется безнадежность лирического субъекта, заставляющая его сомневаться в монашестве, здесь безнадежность относится прямо к жизни в монастыре.

Это, кстати, напоминает те лермонтовские стихотворения тюремной тематики («Желанье» (1832; 1837–1838 ?), «Узник» (1837; 1839 ?), «Соседка» (1840)),³² в которых проявляется тоска заключенного по свободе. К тому же эти произведения («Песню», «Мцыри» и упомянутые тюремные стихотворения) можем привести в связь со произведениями лермонтовской лирики, относящимися к тематике стремления к свободе,³³ жизни и действию, самое эмблематическое из которых – «Парус» (1832).³⁴

---

³² См. примечания к «Узнику» (Лермонтов 2014, с. 597–598), где причисляются произведения «тюремной лирики» (при ссылке на Вацуру 2008). «Пленный рыцарь» (1840 ?; 1841) тоскует образом своеобразным: его освобождением предстанет смерть.

³³ Откладывая здесь в сторону свободолюбивые лермонтовские стихотворения социально-политической тематики.

³⁴ Мотив, сходный мотиву из «Паруса», появляется именно в «Желанье» – как одно из желаний заключенного: одинокий ЛС хочет отплыть в море на челноке: «Разгуляюсь на просторе / И потешусь в буйном споре / С дикой прихотью пучин.» Ср. в «Парусе»: «Играют волны — ветер свищет, / И мачта гнется и скрипит...»; «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!»

Возвращаясь на тему монахов в контексте страдания в лермонтовской лирике, мы можем подвести итоги по этому вопросу. В связи с тематикой страдания встречаются три типа изображения монахов: а) они люди, любящие, или же любящие и ненавидящие, как и другие («Гость», «Оставленная пустынь предо мной...»); б) ЛС в своей безнадежности сомневается в их способности сдержать монашеский обет («Исповедь»); в) их заставляют жить в монастыре против своей их воли, в то время как они стремятся к свободе («Песня» («Колокол стонет...»); эта тема разрабатывается и в поэме «Мцыри»). Эти типы объединены оппозицией между человеческой природой и высокими, трудно достигаемыми целями монашества. Это – напряжение между земным и небесным началами.

6. О коварности общества, смерти и «ночном» цикле

В данной части нашей работы мы обсудим связанные с Богом или небесами стихотворения, занимающиеся коварностью общества и смертью. В этой связи речь пойдет и о стихотворениях «ночного» цикла.

Любопытны для нас стихи в «Отрывке» («На жизнь надеяться страшась...») (1830), в которых критика общества доходит до метафизического, духовного уровня:

Теперь я вижу: пышный свет	[...]
Не для людей был сотворен. [...]	К ним станут (как всегда могли)
Наш прах лишь землю умягчит	Слетаться ангелы. — А мы
Другим, чистейшим существам.	Увидим этот рай земли,
[...]	Окованы над бездной тьмы.
Не будут проклинать они; [...]	Укоры зависти, тоска
Меж них ни дружбу, ни любовь	И вечность с целью одной:
Приличья цепи не сожмут,	Вот казнь за целые века
И братьев праведную кровь	Злодейств, кипевших под луной.
Они со смехом не прольют!..	

Сходное имеется в стихотворении «Кладбище» (1830), где ЛС задумывается над мошками:

Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильной крик
Творца не больше ль славит иногда,³⁵
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

В «1830 года мая 16 дня» (1830) ЛС описывает свою жажду славы ради бессмертия («Боюсь не смерти я. О нет! / Боюсь исчезнуть совершенно.») Он предвещает, сходным образом, как и в ряде других стихотворений, свою смерть «в чужой, неведомой стране». Потом обращается к Богу:

---

³⁵ «Традиция поэтических «рассуждений о Божьем величии», как правило, широко использует мотивы Псалмов Давидовых. В данном случае можно усмотреть отсылки к 148-му и 150-му псалмам: «Хвалите Господа <...> Звѣріе вси и скоти, гади и птицы пернаты» (Пс. 148, 10); «Всякое дыханіе да хвалить Господа!» (Пс. 150, 6).» (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 452)

[...] — творец,	В могилу силится бежать,
На то ли я звучал струнами,	Туда, где обещал мне дать
На то ли создан был певец?	Ты место к вечному покою.
На то ли вдохновенье, страсти	Но чувствую: покоя нет —
Меня к могиле привели?	И там, и там его не будет;
И нет в душе довольно власти —	Тех длинных, тех жестоких лет
Люблю мучения земли.	Страдалец вечно не забудет!..
И этот образ, он за мною	

«[К] могиле привели» его именно вдохновение и страсти (см. с. 12–13). Любопытно и то, что, в отличие от стихотворения «Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...» (1832), в котором ЛС выражает желание смерти именно ради постижения покоя³⁶, здесь из-за РКС, из-за воспоминаний, которых «не забудет» даже после смерти, он не ожидает покоя ни по ту сторону существования. «Я ищу спокойствия напрасно», говорит ЛС в «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») (1830).³⁷ Здесь этот принцип расширяется даже и на смерть.

В любовном стихотворении «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...») (1830) (здесь у нас стихи: «Ничто мне не отдаст покой...») ЛС сомневается в своих надеждах «в небесах», значит, наверное, после смерти:

Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?..

Наверное, и то, что он «жертвовал другим страстям» (женщинам) довело до того, что он, по всему судя, считает возможным, что попадет в ад. Любопытно, что это — именно то, что лирический субъект хочет, или считает предпочтительным жизни, в стихотворении «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...») (1830–1831 ?):

[...] всесильной бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целой ад,³⁸

³⁶ Ср. и «Хоть давно изменила мне радость...» (1830–1831 ?):

Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

³⁷ Ср. «К себе» (1830–1831 ?):

Мгновенное пренебреженье	Что цепь моя несокрушима,
Ее могущества опять	Что мой теперешний покой
Мне доказало, что влеченье	Лишь глас залетный херувима
Души нельзя нам побеждать;	Над сонной демонов толпой.

³⁸ ЛС все-таки не всегда так равнодушен к аду, ср. «Для чего я не родился / Этой синеной волной?..» (1832): «Не страшился б муки ада, / Раем не был бы прельщен». (сноска продолжается на след. с.)

Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

Настолько он истощен от всего, из чего состоит жизнь, от «земных забот», людей, любви. Но ср. стихотворение «К глупой красавице» (1830), в котором ЛС признается, что «смерть красна издалека»: «За ней я следую пока; / Лишь только б не она за мною...» «Смерть» («Оборвана цепь...») прямая противоположность тому, что мы читаем в другом стихотворении той же эпохи: «Хочу любить, — и небеса молю / О новых муках» («1831-го июня 11 дня» (1830–1831 ?), 8-я строфа).

С этим ср. и «Поток» (1830–1831 ?): «Я праздной отдал бы покой / За несколько мгновений / Блаженства иль мучений», что, строго говоря, является прямой противоположностью вышеупомянутому стихотворению «Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...» (1832): «Жестокая болезнь мне смертью угрожает!.. / Дай бог, чтоб так случилось!.. ни любви, / Ни мук умерший уж не знает»; «Ни славы зов, ни голос твой / Не возмутит надежный мой покой!..»³⁹

В стихотворении «Слова разлуки повторяя...» (1832) делается намек на потустороннюю жизнь: «Ты говоришь: есть жизнь другая, / И смело веришь ей... но я?...» ЛС делает вывод, что такой жизни для него нет:

Оставь страдальца! — будь покойна:	Тому ль пускаться в бесконечность,
Где б ни был этот мир святой,	Кого измучил краткий путь?
Двух жизней сердцем ты достойна!	Меня раздавит эта вечность,
А мне довольно и одной.	И страшно мне не отдохнуть!

Напряжение между желанием «отдохнуть», найти покой, и желанием любви, мучения, не что иное, как признак раздора между земным началом и сознания его крайних последствий.

Ср. «Когда последнее мгновенье...» (1832): «И в мир, где казнь или спасенье, / Душа поэта улетит», т. е. он оставляет возможность, что он может попасть либо в ад, либо в рай.

В «Послушай, быть может, когда мы покинем...» (1832 ?) ЛС предвещает, что после смерти, может быть: «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» – и призывает свою «дорог[ую]» покинуть рай и присоединиться к нему: «Пусть мрачной изгнанник, судьбой осужденный, / Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!»

³⁹ Впрочем, кстати, в «Тростнике» (1832) есть сознание того, что такие желания безбожны: «И раннюю могилу / Безбожно я звала.»

Обратим теперь внимание на «ночной» цикл⁴⁰ ранней лермонтовской лирики. Под этим термином мы имеем в виду три стихотворения: «Ночь. I» (1830), «Ночь. II» (1830) и «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...») (1830–1831 ?). «Ночь. I» и «Смерть» объединяет сходный нарратив о космического масштаба мрачном сне о душе, возвращающейся на землю после смерти тела. «Ночь. II» от них главными сюжетными чертами отличается, но весь цикл пропитан чувством глубочайшего отчаяния, его главный мотив – смерть, и в нем повторяются сходные мотивы и стихи.

В «Ночь. I» лирическому субъекту снится, что он умер, и он теперь только душа в «тускло[м], бездушно[м] пространств[е]», где «два противных диких звука, / Два отголоска целая природы, / Боролися» без побед. ЛС встречается ангела, который говорит ему:

[...] Сын праха, ты грешил — и наказанье
Должно тебя постигнуть, как других;
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель, — и молись...
Молись — страдай... и выстрадай прощенье...⁴¹

ЛС спустился на землю, которая вызвала в нем досаду и в нем «боль душевных ран [...] / возобновилась»; его любимая тоже вызывает досаду, друзья его – презрение. Он прилетает к своему гниющему трупу и в отчаянии пытается оживить его останки, но тщетно. «О сколько б я тогда отдал земных / Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту / Почувствовать в них теплоту.» Надежды крушатся совсем:

Тогда я бросил дикие проклятья	И ничего меня не успокоит,
На моего отца и мать, на всех людей, —	И не придут сюда простить меня?.. —
И мне блеснула мысль (творенье ада):	И я хотел изречь хулы на небо —
Что если время совершит свой круг	Хотел сказать...
И погрузится в вечность невозвратно,	Но голос замер мой — и я проснулся.

ЛС, т. е. этот ЛС во сне, по всему судя, более грешил, чем делал добра в течение своей жизни, и он это знает. Поэтому: «Страх / Припомнить жизни гнусные деянья / Иль о добре свершенном возгордиться / Мешал мне мыслить». Поэтому и упоминаются «два отголоска целая природы» – добро и зло. Поэтому же и ангел говорит ему, что он должен выстрадать прощенье. Сознание, что он невозвратно мертв, сделав в жизни больше зла, чем добра, доводит его до самого удручающего состояния. В «Смерти» («Ласкаемый

⁴⁰ Или «байроновский метафизический цикл» (примечания к «Ночь. I» в Лермонтов 2014, с. 433). Там же «Ночь. I» с «Ночь. II» и «Ночь. III» (совсем иного содержания) называют «ночным» циклом.

⁴¹ В связи с мотивом христианского страдания см. с. 27 нашей работы.

цветущими мечтами...») не появляется ангел, а книга, в которой ясно лишь написано «кровавыми словами: / Бесплотный дух, иди и возвратись / На землю.» Все-таки, ср. строфу:

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.	Увижу я страдания людей
Как? Мне лететь опять на эту землю,	И тайных мук ничтожные причины,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым	И к счастью людей увижу средства,
Причиной были детские ошибки?	И невозможно будет научить их.

Кроме проклятия родителей своих и всех людей, ЛС в «Смерти» и ропщет на Бога:

Отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся*. [*sic*]

«Ночь. II» содержательно менее сходно с этими двумя стихотворениями, но мотивы в них сходственны. Ср. с приведенными стихами о грешной жизни следующие из «Ночь. II»:

Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Вспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

В «Ночь. II» появляется смерть в образе «скелет[а] неизмерим[ого]»: «целые миры пред ним уничтожались, / И всё трещало под его шагами, — / Ничтожество за ними оставалось!» В своих руках он держит два друга ЛС, и ставит перед ним выбор, кто из них погибнет. Все так или иначе умрут: «только Бог лишь вечен». Лирического субъекта охватывает полное отчаяние, и строки, которые здесь читаем, среди самых мрачных в лермонтовской лирике:

К скелету я воскликнул: «Оба, оба!..	И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..	Проклятье этому подарку!..
Они довольно жили, чтобы вечно	Мы без него тебя бы не знавали,
Продлилося их наказанье.	Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Ах! — и меня возьми, земного червя, —	Где нет надежд — и всюду опасенья.
И землю раздоби, гнездо разврата,	Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Безумства и печали!..	Лишь об одном я буду плакать:
Всё, всё берет она у нас обманом	Зачем они не дети!..»

Смерть так и давит его друзей. Стихотворение заканчивается знакомым мотивом: «Долго, долго / Ломая руки и глотая слезы, / Я на творца роптал, страшась молиться!..» Не удивляет, что человек в таком мрачном состоянии духа страшился бы молитвы.

Отметим и то, что стихи из «Ночь. II»: «Один я не спал... страшным полусветом, / Меж радостью и горестью серединой, / Мое теснилось сердце [...]» перекликаются с 24-й строфой стихотворения «1831-го июня 11 дня»:

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

Любопытно, что ЛС признается, что «к состоянью этому привык». «И небо обвинить нельзя ни в чем»: в ночном же цикле, в своем отчаянии ЛС обвиняет именно небо.

Своей угрюмостью стихи ночного цикла могут напоминать демонический цикл. Но они весьма разные. На самом деле, лирический субъект ночного цикла в таком сокрушительном отчаянии именно из-за последствий того, что демон обозначает. Он «грешил», он позволял себе недопустимое, может быть, именно потому, что поглотило его демоническое начало. И этим боль не ограничивается, поскольку вся земля «бесчувственн[а]», она – «гнездо разврата, / Безумства и печали», в котором «нет надежд — и всюду опасенья». Люди неисправимы: «к счастью людей увижу средства, / И невозможно будет научить их.» «Зачем они не дети», спрашивает ЛС, тоскуя по невинности ребячества. В то время как демон причиняет боль, ЛС ночного цикла страдает. Он страдает из-за глубокого несовершенства человеческого мира, из-за недостатка небесного начала в этом мире: надо только вспомнить строки о «чистейш[их] существа[х]» и о тварях, славящих Бога больше, чем сами люди. Поэтому о своих останках он говорит: «Они остались хладны — хладны, как презренье!...» Земные блаженства в этом моменте ему неважны, важна теплота, противоположная презрению. Лирический субъект страдает из-за собственного и чужого причинения боли другим; из-за зла, присущего не только им, а всем. И поэтому в конце концов ничего и не остается, кроме как роптать на творца, создавшего такой мир.

7. Бог как вершитель судеб

Мотив судьбы, как мы наметили раньше, постоянно встречается в лермонтовской лирике. Обратим теперь внимание на стихотворения, в которых как вершитель судеб предстает сам Бог.⁴² Таким образом, мы получим точнее понятие о том, больше ли он обвиняется в негативных событиях или же он больше считается ответственным за позитивные.

В «Ночи» («Один я в тишине ночной...») (1830), стихотворении типичной лермонтовской тематики, лирический субъект страдает из-за несчастной любви, предмет которой он не может забыть («я до гроба осужден / Другого не любить никак»). Он говорит:

Мой смех тяжел мне, как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О, боже, вот что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Ср. стихотворение похожей тематики, «Стансы» (1830–1831 ?), которое начинается со строфы:

Мне любить до могилы творцом суждено,
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

Мотив сходен, но здесь из-за безнадежности лирического субъекта он еще сокрушительнее, поскольку Бог обвиняется и за страдание или смерть. Вспомним и «Мой дом» (1830–1831 ?), в котором о доме, созданном Богом, ЛС говорит: «осужден страдать я долго в нем, / И в нем лишь буду я спокоен.»

О стихотворении «Вечер» (1830–1831?) мы уже говорили в контексте предпочтения любви Богу (с. 23). В нем ЛС говорит, что «небеса [...] / [...] свершали чудеса, / Но не для нас с тобой». Ср. и «К***» (1831), начинающееся со стихов:

Всевышний произнес свой приговор,	Он знает, и ему лишь можно знать,
Его ничто не переменит;	Как нежно, пламенно любил я,
Меж нами руку мести он простер	Как безответно всё, что мог отдать,
И беспристрастно всё оценит.	Тебе на жертву приносил я.

---

⁴² Стихов с принятыми оборотами типа «дай бог» обсуждать не будем.

Он обвиняет ее в измене: «И мне, польстив любовью сперва, / Ты изменила — бог с тобою!» Тон здесь менее тяжел, чем в других стихотворениях с тематикой измены, и заканчивается стихотворение заключением, что «[к]о смеху приучать себя нужней [*чем плакать* — R. Z.]: / Ведь жизнь смеется же над нами!»

«К*» («Когда твой друг с пророческой тоскою...») (1830 ?) — одно из многих лермонтовских стихотворений, заключающих в себе мотив ранней смерти.⁴³

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; — но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал Творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней [...]

Как видно, здесь речь идет не о чем-то, сделанным Богом, а о том, что он не услышал обращенные к нему молитвы. Ср. сходные стихи в стихотворении 1832 г., начинающемся таким образом:

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но, безумной,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!⁴⁴

Эта же строфа с несколько изменений появляется в стихотворении «Памяти А. И. О-го» (1839), в котором, как и в «К*», идет речь о ранней смерти, и заканчивается почти тем же стихом: «И свет не пощадил — и бог не спас!»

Но молитвы тщетны не всегда, ср. «Как в ночь звезды падучей пламень...» (1832). Однако молящемуся они не помогли:

Молю о счастья, бывало,	И все мечты отвергнув, снова
Дождался наконец,	Остался я один —
И тягостно мне счастье стало,	Как замка мрачного, пустого
Как для царя венец.	Ничтожный властелин.

Богом услышаны и молитвы уединенных степных пальм в знаменитом стихотворении «Три пальмы (Восточное сказание)» (1839). Они «стали [...] на Бога роптать» из-за скучности и кажущейся бессмысленности своей жизни. «Не прав твой, о

---

⁴³ В этом случае речь идет именно о том, что «[в] начале 1830-х годов в лирике Лермонтова устойчив мотив трагического конца, гибели на плахе, возникший отчасти под влиянием стихотворения Пушкина «Андрей Шенья» (1825).» (прим. к стихотворению «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837–1838 ?) в Лермонтов 2014, с. 612)

⁴⁴ Впрочем, ЛС в данном стихотворении не мертв, а одинокий «старик[...] без седин».

небо, святой приговор!» – они осмеливаются сказать. Подъезжает скоро затем караван людей на верблюдах. Чтобы согреться, в ночи арабы повалили и сожгли «питомц[ев] столетий». Родник, прежде закрываемый ими, «напрасно пророка о тени [...] просит — / Его лишь песок раскаленный заносит». Мораль ясна: покорность – добродетель.⁴⁵ Тема покорности и намек на ислам напоминают раньше приведенные нами стихи из «Я к вам пишу случайно; право...» (1840–1841):

У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили. [...]

В «Раскаянье» (1830–1831 ?) ЛС в своем страдании, что не весьма типично, винит самого себя:

К чему мятежное роптанье, Укор владеющей судьбе? Она была добра к тебе, Ты создал сам свое страданье.	Бессмысленный, ты обладал Душою чистой, откровенной, Всеобщим злом не зараженной, И этот клад ты потерял.
--	--

Речь и здесь идет о несчастной любви и невозможности забыть ее. «Огонь любви первоначальной / Ты в ней решился зародить / И далее не мог любить». Теперь ЛС побуждает себя:

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.

Потому что «[н]е дважды бог дает нам радость, / Взаимной страстью веселя». Вспомним «Совет» (1830): «И покуда Бог дает, / Нектар пей часов веселых».

Мы уже обсуждали стихотворения «Мое грядущее в тумане...» (1836–1837 ?) и «Гляжу на будущность с боязнью...» (1837–1838 ?). Повторим здесь только, что в первом из них ЛС спрашивает: «К чему творец меня готовил, / Зачем так грозно прекословил / Надеждам юности моей?..»; во втором читаем почти то же самое. В первом из них читаем и то, что «[д]обра и зла он дал мне чашу», обещая славу, и ЛС для нее

---

⁴⁵ «По мнению Э. Вацура, Лермонтов использует здесь евангельские стихи: «Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, еже не творить плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огонь вметаемо[.]» (Мф. 3, 10; Лк. 3, 9).» (прим. к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 628) Следовательно, возможно и толкование, по которому молитва пальм была «Богу угодна», и поэтому он ее и услышал.

«удушил святыни голос». Впоследствии «увяло в бурях рока» сердце его. Вспомним в этом контексте и стихи: «Я не для ангелов и рая / Всесильным богом сотворен» (1831).

В нескольких стихотворениях встречается мотив Божьего суда. В «Смерти поэта» (1837) ЛС жестоко обращается к высшему обществу:

Таитесь вы под сению закона,	И мысли и дела он знает наперед.
Пред вами суд и правда — всё молчи!..	Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!	Оно вам не поможет вновь,
Есть грозный суд: он ждет;	И вы не смоете всей вашей черной кровью
Он не доступен звону злата,	Поэта праведную кровь!

В стихотворении «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (1837–1838 ?) читаем:

Я не хочу, чтоб свет узнал	Им сердце в чувствах даст отчет;
Мою таинственную повесть;	У них попросит сожаленья;
Как я любил, за что страдал,	И пусть меня накажет тот,
Тому судья лишь Бог да совесть!..	Кто избрел мои мученья [...]

Появляются здесь и мотивы одиночества и недоверия к людям.

Ср. и «Оправдание» (1841), сродное по своей тематике стихотворениям «К*» («Когда твой друг с пророческой тоскою...») (1830 ?) и «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837–1838 ?). ЛС умер (или погиб) и общество о нем высказывается отрицательно. В «Оправдании» он надеется, что любимая им женщина не подчинится толпе, и будет вспоминать его не с «язвительным упреком». Он говорит ей:⁴⁶

[...] пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит вас Иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

В связи с мотивом Божьего суда (и не только – критика общества здесь особенно резка) любопытно стихотворение «Пророк» (1841), начинающееся со строф:

С тех пор как вечный судия	Провозглашать я стал любви
Мне дал всеведенье пророка,	И правды чистыя ученья:
В очах людей читаю я	В меня все ближние мои
Страницы злобы и порока.	Бросали бешено камня.

Вспомним «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...»), в котором ЛС мечтает о земле, на которой людей заменили бы «чистейшие существа». Ср. и мотивы: «в пустыне

---

⁴⁶ Это связывает данное стихотворение с другими, в которых ЛС не погиб, а изгнан и оклеветан, и в которых поднимается мотив защиты его любимой женщиной от толпы, ср. «Романс к И...» («Когда я унесу в чужбину...») (1830 ?) и «К Н. И.....» (1831). Ср. и стихотворение сходное, но без мотива защиты, «К***» («Когда к тебе молвы рассказ...») (1830).

[...] / [...] звезды слушают меня, / Лучами радостно играя», напоминающие «Выхожу один я на дорогу...» (1841): «Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит.»⁴⁷

В связи с мотивом получения от Бога особенной даровитости⁴⁸ стоит упомянуть и стихотворение «Журналист, читатель и писатель» (1840), также критическое в счет общества, но теперь из-за его отношения к литературе. Читатель говорит о своем друге: «Владеет он изрядным слогом, / И чувств и мыслей полнотой / Он одарен всевышним Богом.» Журналист же, поскольку «в шуме света / Теряет скоро ум поэта / Свои божественные сны», говорит о «Неб[е]», способном «послать / Ему изгнание, заточенье, / Иль даже долгую болезнь», что по мнению журналиста имеет положительные последствия для творчества. Следующее слова писателя напоминают стихотворение «Пророк»:

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?

Отметим и то, что в стихотворении «Воля» (1831), в котором речь идет о свободолобии, мотиву типично лермонтовском, ЛС говорит, что воля дана ему именно Богом: «Но мне богом дана / Молодая жена, / Воля-волюшка, / Вольность милая, / Несравненная».

В связи с мотивом свободолобия ср. и стихотворение «Соседка» (1840): «И, как Божии птички, вдвоем / Мы в широкое поле порхнем», т. е., из тюрьмы. С тем же мотивом можем связать и стихи из «Прощанье» («— Не уезжай, лезгинец молодой...») (1832): «я бедна, / Но мне душа создателем дана, / Подобная твоей», поскольку, как говорит девушка, она с юношей «вольны и добры».

С темой свободолобия также можно связать стихи из «Бородино» (1837): «Не будь на то Господня воля, / Не отдали б Москвы!» Ср. «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...») (1829), в котором говорится, что французский вождь «пред Творцом не трепетал», «но... воин дерзновенный!.. / Творец смешал неколебимый ум, / Ты побежден московскими стенами...»

---

⁴⁷ С мотивом Божьего суда можем связать и «К N. N. ***» (1829): «Как о прошлом вспомню я, / Сердце (Бог тому судья) / Жмет неведомое бремя!..»

⁴⁸ Ср. в этой связи и «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (1835–1841 ?): «Бог его в людях своей благодатью прославил.» Речь идет о старике, христианине, со способностью «исцелять от недугов телесных / И от страданий душевных.»

Самым сокрушительным стихотворением данного типа, в котором Бог – вершитель судеб, является, наверное, «Благодарность» (1840). Приведем его в целости:

За всё, за всё тебя благодарю я:	За жар души, растроченный в пустыне,
За тайные мучения страстей,	За всё, чем я обманут в жизни был...
За горечь слёз, отраву поцалуя,	Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
За месть врагов и клевету друзей;	Недолго я еще благодарил.

Это стихотворение для нас особенно важно, потому что прямым образом связывает темы боли и Бога.⁴⁹ Лирический субъект здесь в самом удрученном состоянии, какое видим на пр. в «И скучно, и грустно» (1840), но здесь он не только высказывает язвительным тоном свои мрачайшие чувства, а и с саркастической колкостью обращается к самому Богу. В стихотворении нет намека на какое-либо небесное начало, а земное отвергается. Ключевой вопрос, понять ли последние два стиха как намек на смерть. Ответим ли положительно, то можем сказать следующее: лирический субъект здесь лишен любой деятельной энергии, у него просто нет жизненной воли, и единственное, что у него осталось – глубочайшая горечь и безверие в жизнь. Что привело его к такому состоянию? Именно, мучающие его отрицательные воспоминания, глубина его разочарования в мире, и его неспособность посвятить себя вере, поскольку верующий не может для себя желать скорой смерти.⁵⁰ Привели к этому «тайные мучения страстей», его нрав, земное в нем начало. Если же мы поймем последние два стиха более оптимистически, это все-таки остается вещью сильно негодующей, зато лирический субъект по крайней мере (хоть иронически) проявляет надежду, что жизнь может измениться к лучшему.

Рассмотрев стихотворения, в которых Бог предстает вершителем человеческих судеб, мы, однако, не можем сказать, что он в лермонтовской лирике обвиняем в отрицательных событиях больше, чем он считается ответственным за события положительные. Такое равновесие мы можем считать проявлением баланса между земным и небесным началами.

---

⁴⁹ В связи с тем, что это стихотворение на самом деле и обращено к Богу, см. примечания к данному стихотворению в Лермонтов 2014, с. 647.

⁵⁰ Ср. «Ночь. II» (1830): «Сын праха и забвения, не ты ли, / Изнемогая в муках нестерпимых, / Ко мне взывал — я здесь: я смерть!.. / Мое владычество безбрежно!..»

8. Заключение

В лирике Михаила Юрьевича Лермонтова можно обнаружить «земное» и «небесное» начала. Земное начало отвечает пылкому характеру лирического субъекта, его страстям, его стремлению к славе и к другим упоениям жизни; небесное начало соответствует его вере в Бога и его чувствительности к святому, прекрасному, божественному. Поскольку они связаны и со страстью, и с чувством красоты, любовь и вдохновение могут входить в связь с обоими началами. Кульминация земного начала – демоническое начало, злое состояние холодной гордости, презрительно расположенной к другим. Земные стремления не могут принести лирическому субъекту настоящее блаженство; они приводят к страданию и усталости от жизни, и даже к желанию смерти ради достижения покоя. С таким отношением к жизни связаны любовные пытки, а также прежний опыт и последующее его осознание, приведшие к разочарованию в обществе, в котором ЛС чувствует именно недостаток небесного начала. В лирическом субъекте происходит напряжение между земным и небесным началами (т. е. между страстями и посвящением себя Богу), и также между земным началом и осознанием его последствий (т. е. между страстями и усталости от мук жизни). Это осознание в некоторых стихотворениях приводит и к отвержению самых страстей. Напряжение между земным и небесным началами проявлено и в изображении монахов, тематически сосредоточенном на разлад между человеческой природой и высокими монашескими целями. В лермонтовской лирике Бог не только обвиняется в отрицательных событиях, но часто считается ответственным и за события положительные, и такое положение дел можно считать проявлением баланса между земным и небесным началами.

Литература

Андроников, И. А. (1951). *Лермонтов*. Москва: Советский писатель. С. 5–33.

Белинский, В. Г. [1840]. *Стихотворения М. Лермонтова*. <отрывки>. В: М. Ю. Лермонтов: pro et contra. (2002). Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, вступ. статья В. М. Марковича, коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. — СПб.: РХГИ. (Русский путь). С. 120–130.

Висковатый П. А. (2018 [1891]). *Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество*. «Эксмо». (Жизнеописания знаменитых людей (ЖЗЛ)).

Лермонтов, М. Ю. (2014). *Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения*. Отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома.

Lavrin, Janko. (1959). *Lermontov*. London: Bowes & Bowes.

Sažetak

U radu se proučava odnos između boli i Boga u lirici M. Ju. Lermontova kroz prizmu zemaljskog i nebeskog principa koji se manifestiraju preko lirskoga subjekta. Zaključuje se da je zemaljski princip povezan s njegovim strastvenim karakterom, dok je nebeski princip povezan s njegovom vjerom u Boga te osjećajem za ljepotu i za božansko. Ljubav i inspiracija mogu pripadati obama principima jer one objedinjuju strasti i osjećaj za ljepotu. Kulminacija je zemaljskoga principa demonski princip, zao, hladan ponos. Zemaljski princip uzrokuje patnju jer lirski subjekt kroz strasti ne postiže blaženstvo, što dovodi do umora od života i želje za smrću. Stoga se u nekim pjesmama strasti kao takve i odbacuju. Osim što je zemaljski princip u tenziji s vlastitim posljedicama, u tenziji je i s nebeskim principom. S time se u radu povezuje i tematski fokus, kada je riječ o monasima, na nesklad između ljudske prirode i visokih monaških ciljeva. Analiziraju se i pjesme u kojima Bog određuje ljudsku sudbinu te se zaključuje da se on krivi za loše događaje, no da se često smatra i odgovornim za dobre, što se može smatrati manifestacijom ravnoteže između zemaljskoga i nebeskoga principa.

Ključne riječi

Lermontov, lirika, bol, patnja, Bog, strasti

Ключевые слова

Лермонтов, лирика, боль, страдание, Бог, страсти

Životopis

Robert Zuljani rođen je 1998. g. u Rijeci. U Lovranu završava osnovnu školu, a u Rijeci opći smjer Prve riječke hrvatske gimnazije. Na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu 2021. g. završava preddiplomski studij ruskog jezika i književnosti i lingvistike te upisuje diplomski studij ruskog jezika i književnosti, smjer Prevoditeljski i lingvistike, smjer Poredbeni. Ljetni semestar ak. g. 2022./2023. provodi na Jagielonskom sveučilištu u Krakovu u sklopu programa Erasmus+.